О СУДЕБНЫХ АКТАХ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ, ПЕРЕСМОТРЕННЫХ В 2019 ГОДУ КАССАЦИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с пунктом 2.2 Плана работы Арбитражного суда Волго-Вятского округа на первое полугодие 2020 года отделом анализа и обобщения судебной практики и обеспечения судопроизводства Арбитражного суда Волго-Вятского округа проанализированы причины пересмотра судебных актов Арбитражного суда Волго-Вятского округа кассацией Верховного Суда Российской Федерации в 2019 году.

В 2019 году кассационной инстанцией Верховного Суда Российской Федерации пересмотрено пятнадцать постановлений Арбитражного суда Волго-Вятского округа, или 0,2 процента от общего количества рассмотренных дел. По сравнению 2018 годом данный показатель снизился в два раза (отменено 21 постановление суда округа, или 0,4 процента).

Исследование пересмотренных дел показало, что в девяти случаях судебные акты отменены, дела направлены на новое рассмотрение, по трем делам оставлен в силе один из ранее принятых судебных актов, а по одному делу заявление оставлено без рассмотрения.

В 2019 году по первому судебному составу отменено четыре постановления (в 2018 году – одиннадцать постановлений); по второму судебному составу – три постановления (в 2018 году – четыре постановления); по третьему составу отменено шесть постановлений (в 2018 году – два постановления); по четвертому составу отменено два постановления (в прошлом году – четыре постановления).

Основополагающим критерием для отнесения деятельности налогоплательщика к деятельности, осуществляемой через объекты обслуживающих производств и хозяйств, является направленность понесенных в рамках этой деятельности затрат на удовлетворение социальных, бытовых и культурных нужд граждан за счет выделенного налогоплательщиком на эти цели финансирования.

Основным видом деятельности Общества (далее – завод, налогоплательщик) является производство радиоаппаратуры, дополнительным – производство пара и горячей воды (тепловой энергии) котельными.

На балансе Общества находится паросиловой цех, являющийся его самостоятельным структурным подразделением и осуществляющий обеспечение других подразделений завода горячим и холодным водоснабжением и паром, в зимнее время поддержание в бытовых и производственных помещениях отделов климатических условий, достаточных для нормальной производительности завода. Кроме того, часть выработанных цехом тепловой энергии и горячей воды реализуется налогоплательщиком сторонним лицам на основании договоров.

Затраты на выработку тепла на основании подпункта 5 пункта 1 статьи 254 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) Обществом отнесены к материальным расходам и учтены в составе косвенных расходов.

Налоговым органом (далее – Инспекция) проведена выездная налоговая проверка Общества по вопросам правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) налогов, в том числе налога на прибыль организаций за период с 01.03.2013 по 30.11.2015.

В ходе проверки Инспекция посчитала, что паросиловой цех относится к объектам обслуживающих производств, в связи с чем налоговая база по налогу на прибыль организаций по деятельности Общества, связанной с использованием цеха для реализации тепловой энергии третьим лицам, подлежит определению с учетом положений статьи 275.1 НК РФ.

Установив в ходе проверки, что расходы Общества на содержание данного цеха выше обычных расходов на обслуживание аналогичных объектов организаций, для которых деятельность по производству тепловой энергии является основной, и налогоплательщиком не представлены документы, подтверждающие соблюдение им условий, установленных статьей 275.1 НК РФ, налоговый орган по результатам проверки пришел к выводу о неправомерном отнесении к расходам, уменьшающим налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, убытка, полученного от деятельности цеха, в части операций по реализации тепловой энергии сторонним организациям. При этом расходы, понесенные при выработке энергии для собственных нужд Общества, признаны налоговым органом обоснованными в целях исчисления налога на прибыль.

По результатам проверки Инспекцией вынесено решение о привлечении Общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, согласно которому Обществу доначислена недоимка по налогу на прибыль организаций.

Не согласившись с результатами налоговой проверки Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать решение Инспекции недействительным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного апелляционного суда и суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Между тем судами не учтено следующее.

В статье 275.1 НК РФ установлена совокупность условий, при выполнении которых отрицательный финансовый результат деятельности, осуществляемой через объекты обслуживающих производств и хозяйств, может быть учтен для целей налогообложения несмотря на то, что понесенные на содержание этих объектов расходы, как правило, не отвечают в полной мере критериям экономической оправданности.

В соответствии с регулированием, действовавшим до вступления в действие с 01.01.2002 главы 25 НК РФ, при исчислении налога на прибыль по общему правилу не допускалось включение в себестоимость продукции (работ, услуг) затрат на выполнение работ по содержанию культурно-бытовых и других объектов, находящихся на балансе предприятий, но в порядке применения налоговой льготы разрешалось уменьшать облагаемую прибыль на суммы затрат предприятий (в соответствии с утвержденными местными органами государственной власти нормативами) на содержание находящихся на балансе этих предприятий объектов и учреждений здравоохранения, народного образования, культуры и спорта, детских дошкольных учреждений, детских лагерей отдыха, домов престарелых и инвалидов, жилищного фонда.

Следовательно, основополагающим критерием для отнесения деятельности налогоплательщика к деятельности, осуществляемой через объекты обслуживающих производств и хозяйств, является направленность понесенных в рамках этой деятельности затрат на удовлетворение социальных, бытовых и культурных нужд

граждан (работников и жителей соответствующих населенных пунктов) за счет выделенного налогоплательщиком на эти цели финансирования.

Соответственно, положения статьи 275.1 НК РФ не могут распространяться на подразделения, функционирующие в целях удовлетворения потребностей самого налогоплательщика как хозяйствующего субъекта – для обеспечения производственного процесса, в том числе для исполнения возложенных на налогоплательщика обязанностей при ведении им предпринимательской деятельности.

В ходе рассмотрения материалов налоговой проверки, а также в ходе судебного разбирательства Общество последовательно указывало, что паросиловой цех относится к вспомогательному производству, основная задача которого – обеспечение тепловой энергией основного производства, а не удовлетворение жилищных или социально-культурных нужд работников Общества и населения, и не обслуживание иных личных потребностей граждан. При этом реализация части тепловой энергии третьим лицам занимает незначительные (не более 12 процентов) объемы и производится по тарифам, установленным в рамках государственного регулирования в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 190 «О теплоснабжении», не покрывающим в полном объеме затраты на содержание цеха.

Однако суды не дали оценки данным доводам Общества, ограничившись констатацией того, что объекты теплоснабжения упомянуты в статье 275.1 НК РФ в качестве объектов обслуживающих производств и хозяйств и конечными потребителями части реализованной Обществом тепловой энергии оказываются физические лица – жители домов.

Такой подход приводит к тому, что налогоплательщик не вправе учесть для целей налогообложения экономически обоснованные расходы, понесенные в рамках деятельности, направленной на получение дохода, только по той причине, что его предпринимательская деятельность осуществляется с использованием объектов теплоснабжения, имеющих присоединенные сети.

Принимая во внимание изложенное, оспариваемые судебные акты арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. (А11-6890/2017)

При решении вопроса о возникновении обязанности по уплате утилизационного сбора во внимание должен приниматься тот факт, предназначен ли ввозимый (изготовленный) товар для эксплуатации в качестве транспортного средства (самоходной машины), утилизация или иное обращение с отходами которого после окончания эксплуатации будет необходимо для исключения вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду.

Обществом на территорию Российской Федерации ввезены и задекларированы на таможенном посту три машинокомплекта тракторов.

Задекларированные товары приобретены Обществом для собственного использования с целью реализации проекта по освоению производства и выпуска тракторов, а также проведения сертификации данной продукции.

В связи с ввозом указанных товаров Таможенным органом в адрес Общества направлено уведомление об уплате утилизационного сбора.

Поскольку утилизационный сбор не был уплачен Обществом в добровольном порядке, Таможенный орган обратился в арбитражный суд с требованием о его взыскании.

Основанием для предъявления Таможенным органом требования об уплате утилизационного сбора послужил тот факт, что ввезенные Обществом товары классифицированы в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД) в качестве тракторов сельскохозяйственных колесных, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного апелляционного суда и суда округа, заявленное Таможенным органом требование удовлетворено. По мнению судов, указание в таможенной декларации на факт ввоза машинокомплектов не лишает эти товары свойств комплектных или завершенных и, соответственно, не исключает обязанность по уплате утилизационного сбора.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно пункту 1 статьи 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ (далее – Закон об отходах производства и потребления) за каждое колесное транспортное средство (шасси), каждую самоходную машину, каждый прицеп к ним, ввозимые в Российскую Федерацию или произведенные, изготовленные в Российской Федерации, уплачивается утилизационный сбор в целях обеспечения экологической безопасности, в том числе для защиты здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия эксплуатации транспортных средств, с учетом их технических характеристик и износа.

Из содержания данных законоположений, определяющих цель взимания утилизационного сбора, его объект обложения и правила стоимостной оценки объекта, вытекает, что при решении вопроса о возникновении обязанности по уплате данного сбора во внимание должен приниматься тот факт, предназначен ли ввозимый (изготовленный) товар для эксплуатации в качестве транспортного средства (самоходной машины), утилизация или иное обращение с отходами которого после окончания эксплуатации будет необходимо для исключения вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду, то есть потребует несения соответствующих затрат.

Принимая во внимание, что утилизационный сбор не является таможенным платежом, отнесение ввозимого товара к тому или иному коду ТН ВЭД, само по себе не является основанием для взимания данного сбора, если в отношении ввозимого товара не выполняется совокупность условий, предусмотренных статьей 24.1 Закона об отходах производства и потребления.

Рассматривая дело, суды не учли, что из совокупного толкования положений пункта 7 статьи 24.1 Закона об отходах производства и потребления, постановления Правительства Российской Федерации от 15.05.1995 № 460 «О введении паспортов на самоходные машины и другие виды техники в Российской Федерации», и пункта 13 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора (утв. Постановлением Правительства РФ от 26.12.2013 № 1291 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – Правила взимания утилизационного сбора) утилизационный сбор уплачивается при ввозе на территорию Российской Федерации товаров, представ-

ляющих собой самоходные транспортные средства, в отношении которых таможенным органом оформляются соответствующие паспорта.

Кроме того, для лиц, осуществляющих производство и изготовление транспортных средств на территории Российской Федерации, признанных, помимо прочего, организациями – крупнейшими производителями самоходных машин и (или) прицепов, в пунктах 21-25 Правил взимания утилизационного сбора установлен особый порядок исчислении и уплаты данного платежа.

При рассмотрении настоящего дела Общество указывало, что является лицом, занимающимся производством и изготовлением транспортных средств на территории Российской Федерации, и осуществило ввоз не подлежащих эксплуатации самоходных машин, а машинокомплектов, то есть наборов компонентов и составных частей, необходимых для производства одной единицы самоходной машины в виде трактора.

По доводам Общества поставленные машинокомплекты предназначались для использования на начальной стадии инвестиционного проекта по освоению производства тракторов в Российской Федерации (в том числе, для создания конструкторской документации) и были приняты к учету Обществом в таком качестве.

Общество утверждало, что прошло процедуру сертификации как изготовитель продукции в виде тракторов сельскохозяйственных колесных и включено в перечень организаций – крупнейших производителей самоходных машин и (или) прицепов, в связи с чем обязанность по уплате данного сбора возникает у него после окончания производства и сборки транспортных средств.

При этом вышеуказанные доводы Общества, по существу не опровергнутые Таможенным органом, не отражены в принятых по делу судебных актах и не получили надлежащей оценки со стороны судов.

Принимая во внимание изложенное, оспариваемые судебные акты арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение. (А11-14919/2017)

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права.

По заявлению К. (далее – должник) возбуждено производство по делу о признании его несостоятельным (банкротом).

Рассмотрение обоснованности заявления К. о его банкротстве неоднократно откладывалось судом первой инстанции по причине непредставления предложенными должником саморегулируемыми организациями кандидатуры финансового управляющего.

Из материалов дела видно, что несколько саморегулируемых организаций арбитражных управляющих в ответ на запросы суда указали на то, что ни один из их членов не дал согласие на утверждение своей кандидатуры в качестве финансового управляющего в деле о банкротстве К.

Впоследствии определением арбитражного суда первой инстанции производство по этому делу прекращено.

Прекращая производство по делу о банкротстве, суд первой инстанции исходил из истечения установленного законом трехмесячного срока для утверждения кандидатуры финансового управляющего (пункт 9 статьи 45 Федерального закона

от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)).

Постановлениями арбитражного апелляционного суда и суда округа определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Суды апелляционной инстанции и округа дополнительно указали на то, что сами по себе отказы саморегулируемых организаций представить кандидатуру финансового управляющего имуществом гражданина не должны препятствовать реализации права на проведение процедур потребительского банкротства. Однако в данном случае, по их мнению, суд первой инстанции создал все условия для реализации этого права – должник неоднократно выбирал разные саморегулируемые организации арбитражных управляющих, из числа членов которых мог быть утвержден финансовый управляющий.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу Закона о банкротстве процедуры несостоятельности в отношении гражданина осуществляются под контролем суда, который последовательно принимает решения по всем ключевым вопросам, в том числе касающихся утверждения арбитражного управляющего.

Суды не приняли во внимание, что применительно к настоящему делу право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации, включает в себя не только возможность гражданина обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, но и предполагает обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма потребительского банкротства.

В рассматриваемом случае суды фактически лишили К. данного права исходя из поведения иных субъектов, на которых должник не мог и не должен был влиять, - членов пяти саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, не пожелавших исполнять функции финансового управляющего за определенное законом вознаграждение. Такой поход следует признать ошибочным.

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Это означает, что в ситуации, когда неоднократные попытки гражданина, предлагающего саморегулируемые организации предусмотренным законом способом - путем подачи нескольких ходатайств с указанием известных ему организаций - не приводят к положительному результату, суд должен занять активную позицию в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, при сохранении у него интереса к дальнейшему ведению дела о банкротстве одновременно направить запросы во все оставшиеся саморегулируемые организации. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий.

Как видно из общедоступного реестра саморегулируемых организаций, в настоящее время соответствующим статусом обладают порядка пятидесяти организаций. Суд первой инстанции направил запросы только в пять из них.

Вопреки выводам суда первой инстанции общие положения пункта 9 статьи 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управ-

ляющего в течение трех месяцев, не подлежали применению к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства, поскольку они противоречат смыслу и целям законодательного регулирования в этой специальной сфере.

Трехмесячный срок, отведенный суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, установленный пунктом 5 статьи 213.6 Закона о банкротстве, носит организационный характер. Само по себе его истечение не является основанием для прекращения производства по делу.

Учитывая изложенное, определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене, дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. (А28-3350/2017)

В приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража может быть отказано, если спор разрешен некомпетентным арбитражем, в том числе по причине отсутствия между сторонами спора арбитражного соглашения о разрешении спора соответствующим международным коммерческим арбитражем.

Между Обществом (поставщиком) и Товариществом (покупателем) был заключен договор поставки, в соответствии с которым все споры между сторонами, которые не были разрешены в претензионном порядке, подлежат разрешению в арбитражном суде по месту нахождения истца в соответствии с законодательством страны арбитражного судопроизводства.

Поскольку Обществом товар по договору поставки не был поставлен, Товарищество обратилось в Арбитражный центр с иском о взыскании с Общества убытков, неустойки и расходов по оплате помощи представителя.

Общество заявило об отсутствии полномочий у Арбитражного центра на рассмотрение данного дела, поскольку в договоре поставки имелся в виду государственный суд, а не третейский. В связи с этим, по мнению Общества, арбитражное соглашение о передаче дела на рассмотрение третейского суда между сторонами отсутствует.

Арбитражный центр, признав, что указанный пункт договора поставки не позволяет однозначно ответить на вопрос в отношении того, означает ли термин «арбитражный суд» арбитраж, счел возможным признать названный пункт договора поставки соглашением сторон, которое позволяет истцу обратиться в арбитраж. По мнению состава арбитража, иное толкование договора поставки фактически приведет к лишению истца права на разрешение спора с ответчиком каким-либо органом, что нарушает фундаментальное право истца на защиту своих прав и интересов.

Решением Арбитражного центра требования Товарищества удовлетворены.

Ввиду неисполнения Обществом указанного решения Товарищество обратилось в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о признании и приведении в исполнение решения Арбитражного центра и выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Определением Арбитражного суда первой инстанции, оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Удовлетворяя заявление Товарищества, суды признали необоснованной позицию Общества о неподсудности Арбитражному центру споров, вытекающих из заключенного сторонами договора поставки, указав на то, что Арбитражный центр,

осуществив толкование договора поставки, констатировал наличие между сторонами арбитражного соглашения.

Между тем судами не учтено следующее.

Компетенция третейского суда (международного коммерческого арбитража), в отличие от государственного правосудия, основана на автономной воле сторон, а также связана с наличием заключенного сторонами соглашения о передаче споров в арбитраж (третейский суд). Наличие согласия всех участников третейского (арбитражного) разбирательства на разрешение спора третейским судом (арбитражем) является основным началом такого разбирательства.

Арбитражное соглашение оформляет такое согласие и является соглашением сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникнут или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет. Арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки в договоре или в виде отдельного соглашения. Арбитражное соглашение заключается в письменной форме. Письменная форма арбитражного соглашения считается соблюденной, если арбитражное соглашение заключено, в том числе путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны. Арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме, если оно заключается путем обмена процессуальными документами (в том числе, исковым заявлением и отзывом на исковое заявление), в которых одна из сторон заявляет о наличии соглашения, а другая против этого не возражает (части 1 - 4 статьи 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», статья 7 Закона Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

Таким образом, арбитражное соглашение, которым стороны оформляют свое волеизъявление на разрешение спора в третейском суде, международном коммерческом арбитраже, не обязательно должно быть оформлено в виде отдельного документа. Такое соглашение может содержаться в отдельных положениях договора.

Однако пункт договора поставки, который, по мнению Товарищества, содержит арбитражное (третейское) соглашение, не содержит указаний на выбор сторонами такой формы разрешения спора как международный коммерческий арбитраж, равно как и не называет Арбитражный центр в качестве компетентного арбитражного центра для рассмотрения споров сторон договора, толкование данного пункта договора также не позволяет сделать вывод о выборе сторонами третейской формы разбирательства споров или Арбитражного центра. Напротив, стороны в указанном пункте используют термины «суд» и «судопроизводство», характерные для разрешения споров в рамках государственного правосудия.

Следовательно, спор между сторонами разрешен некомпетентным международным коммерческим арбитражем, и в удовлетворении заявления о признании и приведении в исполнение решения этого арбитража следовало отказать.

Учитывая изложенное, определение суда первой инстанции и постановление суда кассационной инстанции следует отменить, в удовлетворении заявления Товарищества отказать. (А31-7930/2018)

Объекты капитального строительства, правомерно возведенные до утверждения градостроительных регламентов правилами землепользования и застройки, а также земельные участки, на которых они расположены, виды разрешенного использования которых не соответствуют градостроительному регламенту могут быть использованы по прежнему фактическому виду разрешенного использования, за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия.

Городской округ является собственником одноэтажного нежилого здания (гараж 1973 года постройки), право муниципальной собственности на которое зарегистрировано в ЕГРН 29.11.2016.

Администрация постановлением утвердила схему расположения земельного участка под указанным нежилым зданием на кадастровом плане в территориальной зоне застройки - О-4 «зона образовательных и детских дошкольных учреждений» с видом разрешенного использования «объекты гаражного назначения», категория земель населенных пунктов.

В целях образования упомянутого земельного участка из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, был подготовлен межевой план спорного земельного участка, в котором вид разрешенного использования земельного участка указан как «объекты гаражного назначения».

Комитет по управлению муниципальным имуществом Администрации городского округа (далее - Комитет) обратился в Управление с заявлением о постановке на кадастровый учет образованного земельного участка и регистрации на него права муниципальной собственности.

Управление приняло решение об отказе в государственном кадастровом учете и государственной регистрации права собственности на спорный земельный участок на основании статьи 27 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее - Закон № 218-ФЗ).

Решение мотивировано тем, что указанный в межевом плане в разделе «Общие сведения об образуемых земельных участках» вид разрешенного использования вновь образованного земельного участка - «объекты гаражного назначения» не соответствует основным видам разрешенного использования зоны О-4, предусмотренным решением Совета депутатов городского округа, поскольку в основных видах разрешенного использования, соответствующих зоне О-4 - «зона образовательных и детских дошкольных учреждений/проектная», такой вид разрешенного использования как «объекты гаражного назначения» отсутствует. Кроме того, на спорном участке расположен объект недвижимости, который должен быть обозначен в межевом плане, объект капитального строительства частично выходит за границы вновь образуемого участка.

Комитет оспорил решение Управления в арбитражный суд, ссылаясь на то, что в силу части 8 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) недвижимое имущество (гараж 1973 года постройки), возведенное до утверждения градостроительного регламента, а также сформированный для эксплуатации этого объекта земельный участок могут быть использованы по прежнему виду разрешенного использования.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды трех инстанций исходили из того, что, в силу пункта 3 статьи 85 Земельного кодекса Российской

Федерации (далее – ЗК РФ), градостроительные регламенты обязательны для исполнения всеми собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков независимо от форм собственности и иных прав на земельные участки. Указанные лица могут использовать земельные участки в соответствии с любым предусмотренным градостроительным регламентом для каждой территориальной зоны видом разрешенного использования.

Установив, что упомянутым решением Совета депутатов определены градостроительные регламенты для зоны, в которой расположен спорный земельный участок, а также виды разрешенного использования, среди которых такой вид разрешенного использования как «объекты гаражного назначения» отсутствует, суды пришли к выводу о законности решения Управления.

Между тем судами не учтено следующее.

Из положений земельного (пункт 4 статьи 85 ЗК РФ) и градостроительного (части 8-10 статьи 36 ГрК РФ) законодательства прямо следует, что объекты капитального строительства, правомерно возведенные до утверждения градостроительных регламентов правилами землепользования и застройки, а также земельные участки, на которых они расположены, виды разрешенного использования которых не соответствуют градостроительному регламенту могут быть использованы по прежнему фактическому виду разрешенного использования, за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия. При этом любая реконструкция таких объектов может осуществляться только путем приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, а изменение видов разрешенного использования может осуществляться путем приведения их в соответствие с видами разрешенного использования, установленными градостроительным регламентом.

Следовательно, и земельное, и градостроительное законодательство исходит из сохранения прав на использование объектов капитального строительства и земельных участков под ними по прежнему фактическому разрешенному использованию в случае, когда происходит изменение градостроительной документации, предусматривающей иное зонирование территории (статья 30 ГрК РФ), и существующее фактическое использование объектов не опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия.

В целях оформления прав на земельный участок под объектом недвижимости законом установлен порядок и требования к образованию земельных участков. В частности, в соответствии с пунктом 1 статьи 11.3 ЗК РФ образование земельных участков из земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется в соответствии с проектом межевания территории, утвержденным в установленном порядке, проектной документаций лесных участков либо утвержденной схемой расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории.

Образование земельного участка из земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется, в том числе в соответствии с утвержденной схемой расположения земельного участка при отсутствии утвержденного проекта межевания территории, за исключением случаев, когда образование земельных участков может осуществляться только в

соответствии с утвержденным проектом межевания территории (пункты 2, 3 статьи 11.3 ЗК РФ).

Схема расположения земельного участка утверждается решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления. В решении об утверждении схемы расположения земельного участка в отношении каждого из земельных участков, подлежащих образованию в соответствии со схемой расположения земельного участка, указывается, в частности территориальная зона, в границах которой образуется земельный участок, или в случае, если на образуемый земельный участок действие градостроительного регламента не распространяется или для образуемого земельного участка не устанавливается градостроительный регламент, вид разрешенного использования образуемого земельного участка (пункты 1, 13, 14 названной статьи).

Как установлено судами и следует из материалов дела, Администрация постановлением от 17.07.2017 № 2348 утвердила схему расположения спорного земельного участка, указав, что земельный участок находится в территориальной зоне застройки - О-4 (зона образовательных и детских дошкольных учреждений), а также фактический вид разрешенного использования соответствующий виду разрешенного использования объекта на этом участке - «объекты гаражного назначения».

Согласно Закону № 218-ФЗ государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав осуществляется одновременно. Основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на земельный участок является, в частности, межевой план. Требования к межевому плану содержатся в статье 22 Закона № 218-ФЗ.

Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 08.12.2015 № 921 утверждены форма и состав сведений межевого плана, требования к его подготовке. Как указано в пункте 51 упомянутого приказа сведения о выбранных или установленных видах (виде) разрешенного использования указываются в разделе «Сведения об образуемых земельных участках», в частности, на основании решения об утверждении схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории.

Согласно пункту 4 части 5 статьи 8 Закона № 218-ФЗ в кадастр недвижимости вносятся, в том числе, дополнительные сведения об объекте недвижимого имущества, к которым отнесена информация о виде или видах разрешенного использования земельного участка.

Как предусмотрено пунктами 2, 3 части 1 статьи 32 Закона № 218-ФЗ, орган государственной власти или орган местного самоуправления обязаны направить в орган регистрации прав, в том числе принятые им решения об установлении или изменении вида разрешенного использования земельного участка; об утверждении правил землепользования и застройки либо о внесении изменений в правила землепользования и застройки, если такими изменениями предусмотрено установление или изменение градостроительного регламента, установление или изменение границ территориальных зон.

Законодательство о кадастром учете и регистрации прав на сегодняшний день не содержит запрета на внесение в ЕГРН сведений о фактическом разрешенном использовании земельного участка, соответствующем виду разрешенного использования объекта капитального строительства, но не предусмотренным градостроительным регламентом, установленным в отношении территориальной зоны. Вместе с тем подзаконное регулирование не содержит в себе порядка действий в

указанной ситуации, что не может являться препятствием в реализации собственником объекта недвижимости его прав на земельный участок и на использование как самого объекта, так и земельного участка, в пределах, предусмотренных земельным и градостроительным законодательством.

В таких случаях правовой режим земельного участка определяется с учетом его фактического разрешенного использования на основании акта органа уполномоченного органа об утверждении схемы расположения земельного участка на кадастровом плане соответствующей территории.

Таким образом, судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене, дело – направлению на новое рассмотрение. (А43-47603/2017)

Закон, принятый после заключения договора и устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, распространяет свое действие на отношения сторон по такому договору лишь в случае, когда в законе прямо установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

Общество (поставщик) и Завод (покупатель) заключили договор поставки от 27.05.2014. Срок действия договора установлен до 31.12.2014. Дополнительным соглашением срок действия договора поставки продлен до 31.07.2016.

Стороны договора поставки согласовали условие о том, что ни одна из них не имеет права передавать свои права и обязательства по договору своим правопреемникам и третьей стороне без предварительного письменного согласия другой стороны договора.

Общество (цедент) и Предприниматель (цессионарий) 25.04.2017 заключили договор уступки прав, согласно которому цедент в счет погашения имеющейся задолженности уступил цессионарию право требования с Завода суммы долга по договору поставки и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В рамках дела № А56-7553/2017 по иску Общества к Заводу о взыскании задолженности по договору поставки и процентов за пользование чужими денежными средствами, Общество, ссылаясь на заключенный договор уступки прав от 25.04.2017, заявило ходатайство о процессуальном правопреемстве.

Посчитав указанный договор уступки прав недействительным, поскольку вопреки требованиям договора поставки согласие истца на передачу прав по сделке отсутствовало, Завод обратился в арбитражный суд.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что поскольку договор поставки содержит ограничение в части уступки прав и (или) обязанностей по договору третьим лицам без согласия должника, отсутствие согласия влечет недействительность договора цессии.

Также суд отметил, что действие на момент заключения договора уступки прав положений пункта 3 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не препятствует удовлетворению заявленного требования, поскольку данная норма в редакции Федерального закона от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее – Закон № 367-ФЗ) не содержит запрета и не исключает предъявления иска о признании сделки недействительной по мотиву отсутствия согласия должника.

При этом суд отклонил довод Предпринимателя о том, что он не мог знать об установленных договором поставки ограничениях на уступку права требования, указав, что в договоре уступки прав от 25.04.2017 имеется ссылка на договор поставки от 27.05.2014 как основание возникновения обязательства должника, что предполагает осведомленность стороны о содержании данного документа.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение, исходил из того, что уступка прав (требований) допускается во всяком случае, если денежное обязательство сторон, права из которого уступаются, связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности.

По мнению суда апелляционной инстанции, часть 3 статьи 388 ГК РФ является специальной нормой, устанавливающей исключение, позволяющее кредитору уступить право требования третьему лицу.

При этом суд указал, что положения пункта 3 статьи 388 ГК РФ (в редакции Закона № 367-ФЗ) действовали уже на момент заключения спорного договора уступки прав и стороны данного договора рассчитывали на сохранение его условий.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции, указав также, что в отношении денежного требования, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, законом (пункт 3 статьи 388 ГК РФ) была предусмотрена возможность его уступки, даже если договором уступка требования ограничена или запрещена. Следовательно, в случае установления договорного запрета уступки права (требования), несоблюдение кредитором такого запрета или ограничения не лишает силы такую уступку и не свидетельствует о ее недействительности.

Между тем судами апелляционной и кассационной инстанций не учтено следующее.

В пункте 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» разъяснено, что судам надлежит иметь в виду, что согласно пункту 2 статьи 422 ГК РФ закон, принятый после заключения договора и устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, распространяет свое действие на отношения сторон по такому договору лишь в случае, когда в законе прямо установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. В силу пункта 2 статьи 4 ГК РФ это правило применяется как к императивным, так и к диспозитивным нормам.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 2978-О отмечено, что общим (основным) принципом действия закона во времени является распространение его на отношения, возникшие после его введения в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на отношения, которые возникли до введения соответствующих норм в действие, то есть придать закону обратную силу.

В настоящем деле суть спора сводится к разрешению вопроса о возможности применения положений пункта 3 статьи 388 ГК РФ к установленному в договоре поставки запрету передавать права и обязанности по договору иным лицам без согласия другой стороны, требованию, возникшему из договора содержащего названный запрет, и последствий, которые могут возникнуть в случае невозможности применения данной нормы.

В соответствии с пунктом 1 статьи 388 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 01.07.2014, в момент заключения договора поставки) уступка требования кредито-

ром другому лицу допускается, если она не противоречит закону, иным правовым актам или договору.

Законом № 367-ФЗ статья 388 ГК РФ дополнена пунктом 3, в соответствии с которым соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

Указанная редакция статьи 388 ГК РФ вступила в силу 01.07.2014.

В переходных положениях Закона № 367-ФЗ указано, что положения ГК РФ применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления в силу настоящего Федерального Закона.

Как усматривается из материалов настоящего дела, договор поставки между Заводом и Обществом был заключен 27.05.2014, то есть в период действия прежней редакции пункта 1 статьи 388 ГК РФ, предусматривающего возможность уступки требования другому лицу в случае, если она не противоречит, в том числе договору. Правовой режим требования, возникшего из этого договора поставки, определяется условиями названного договора, на содержание которых не повлияло вступление в силу Закона № 367-ФЗ.

Таким образом, пункт 3 статьи 388 ГК РФ в силу пункта 2 статьи 422 ГК РФ и приведенных переходных положений Закона № 367-ФЗ к спорным правоотношениям не может быть применен.

Следовательно, сделка по уступке прав требования совершена в отсутствие предусмотренного договором поставки согласия, что является нарушением применимых к отношениям сторон норм права.

Согласно статье 168 ГК РФ сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, является по общему правилу ничтожной, если только закон не устанавливает, что она оспорима.

Применительно к статье 174 ГК РФ, в силу которой если полномочия лица на совершение сделки ограничены договором либо полномочия органа юридического лица - его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законе либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении такое лицо или орган вышли за пределы этих ограничений, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения, лишь в случаях, когда будет доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна знать об указанных ограничениях.

Признание договора уступки прав требования, заключенного без требуемого согласия должника, недействительным по основаниям статьи 168 или применительно к статье 174 ГК РФ зависит от того, предусмотрена ли обязанность получить согласие должника на заключение договора уступки прав требования законом и иными правовыми актами либо условиями основного обязательства, по которому производится передача прав.

Если на такую обязанность указывают отдельные нормы закона или иных правовых актов, то договор уступки прав требования является ничтожным в соответствии со статьей 168 ГК РФ.

При закреплении обязанности получения согласия должника в условиях конкретного обязательства недействительность договора уступки прав требования должна устанавливаться применительно к правилам статьи 174 ГК РФ.

Указанной позицией руководствовался суд первой инстанции при принятии решения по делу. Так, суд первой инстанции указал, что поскольку договор поставки содержит ограничение в части уступки прав и (или) обязанностей по договору третьим лицам без согласия должника, отсутствие согласия влечет недействительность договора уступки прав.

Как усматривается из материалов настоящего дела, согласие Завода на уступку Обществом Предпринимателю права требования задолженности и процентов за пользование чужими денежными средствами получено не было.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о наличии оснований для признания договора уступки права требования недействительным применительно к положениям статьи 174 ГК РФ является верным.

Таким образом, выводы судов апелляционной и кассационной инстанций основаны на неверном применении норм права, в связи с чем принятые этими судами постановления подлежат отмене с оставлением решения суда первой инстанции в силе. (А79-11713/2017)

Отказ в осуществлении прав налогоплательщиков только по формальным основаниям, не связанным с существом реализуемого права, и по мотивам, обусловленным лишь удобством налогового администрирования, недопустим.

Между Обществом (далее – продавец, налогоплательщик) и третьим лицом (покупатель) заключен договор от 18.12.2015, по условиям которого продавец обязался передать в собственность покупателя здание и земельный участок.

Имущество передано третьему лицу, и право собственности на него зарегистрировано за покупателем 29.04.2016. В связи с передачей здания Общество выставило покупателю счет-фактуру с выделенной в нем суммой НДС. Данный счет-фактура зарегистрирован Обществом в книге продаж, начисленная сумма НДС отражена в декларации за 2 квартал 2016 год.

В связи с неоплатой покупателем приобретенных объектов договор купли-продажи расторгнут 15.12.2016 по соглашению сторон. Недвижимое имущество и земельный участок возвращены Обществу 26.12.2016, о чем внесены соответствующие записи в ЕГРП. При возврате имущества Общество самостоятельно оформило корректировочный счет-фактуру и заявило к вычету ранее исчисленную сумму НДС, отразив вычет в налоговой декларации по НДС за 4 квартал 2016 года.

Инспекцией (далее – налоговый орган) проведена камеральная налоговая проверка налоговой декларации Общества по НДС за 4 квартал 2016 года.

По результатам камеральной проверки налоговым органом принято решение о привлечении Общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 122 НК РФ.

Начисление недоимки по НДС, а также соответствующих сумм пени и штрафа связано с выводом Инспекции о неправомерном заявлении вычета по НДС на основании составленного налогоплательщиком корректировочного счета-фактуры.

По мнению налогового органа, сумма НДС, ранее начисленная к уплате при передаче имущества, могла быть принята к вычету Обществом только при условии

получения счета-фактуры от третьего лица, поскольку до расторжения договора покупатель принял переданное имущество к своему учету.

Не согласившись с решением Инспекции, Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения недействительным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, заявленные требования удовлетворены.

Признавая незаконным решение Инспекции и удовлетворяя требования Общества, суды первой и апелляционной инстанции исходили из того, что в силу пункта 5 статьи 171 НК РФ суммы НДС, предъявленные продавцом покупателю и уплаченные продавцом в бюджет при реализации товаров, в случае возврата этих товаров могут быть приняты к вычету при возврате товаров. В силу пункта 4 статьи 172 НК РФ вычеты сумм налога в этом случае производятся в полном объеме после отражения в учете соответствующих операций по корректировке в связи с возвратом товаров. Принимая во внимание, что Обществом соблюдены данные условия для вычета налога, суды пришли к выводу о правомерности заявленных налогоплательщиком требований.

Суды отклонили доводы налогового органа об отсутствии у налогоплательщика счета-фактуры, выставленного третьим лицом (покупателем) при возврате имущества, отметив, что в данном случае имела место не обратная реализация имущества, а его возврат. При этом суды признали существенным то обстоятельство, что контрагент общества не заявил налоговые вычеты при приобретении имущества у налогоплательщика.

Суд округа, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты и отказывая в удовлетворении требований Общества, указал, что покупатель в случае возврата товара обязан выставить продавцу этого товара соответствующий счет-фактуру, лишь при наличии которого продавец может реализовать право на вычет НДС. Счет-фактура, выставленный третьим лицом при возврате товара, на момент заявления данных налоговых вычетов у Общества отсутствовал, в связи с чем, по мнению суда округа, оснований для применения налогового вычета по НДС в заявленной сумме в 4 квартале 2016 года у налогоплательщика не имелось.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Объектом обложения НДС признаются совершаемые на территории Российской Федерации операции по реализации товаров. При этом с учетом экономико-правовой природы НДС как косвенного (перелагаемого на потребителей) налога, суммы НДС, исчисленные продавцом при реализации товаров, подлежат предъявлению к оплате покупателю.

Возврат товара продавцу, обусловленный расторжением договора купли-продажи ввиду нарушения его условий покупателем, означает возвращение сторон договора в исходное положение. В этом случае реализация товара считается несостоявшейся и налог не может быть предъявлен к оплате покупателю, то есть объект налогообложения отсутствует. Следовательно, налогоплательщик вправе требовать корректировки сумм НДС, ранее исчисленных при передаче товара покупателю, учитывая гарантированное подпунктом 5 пункта 1 статьи 21 НК РФ право на возврат сумм налога, внесенных в бюджет излишне - при отсутствии объекта налогообложения.

Для случаев возврата товара в пункте 5 статьи 171 и пункте 4 статьи 172 НК РФ установлены специальные правила корректировки ранее начисленных продав-

цом сумм налога посредством их заявления к вычету при условии отражения операций по возврату в бухгалтерском учете и не позднее одного года с момента возврата товара.

В силу конституционного требования о необходимости уплаты только законно установленных налогов и сборов, механизм налогообложения должен обеспечивать полноту и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц и одновременно – надлежащий правовой характер деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанной с изъятием средств налогообложения.

Учитывая изложенное и принимая во внимание положения пункта 2 статьи 22 НК РФ, устанавливающие обязанность налоговых органов обеспечивать права налогоплательщиков, налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону.

Соответственно, недопустим отказ в осуществлении прав налогоплательщиков только по формальным основаниям, не связанным с существом реализуемого права, и по мотивам, обусловленным лишь удобством налогового администрирования.

Согласно решению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.09.2008 № 11461/08 установленный на уровне подзаконных актов порядок оформления возврата товаров, предполагающий выставление покупателем счета-фактуры продавцу, признан не вступающим в противоречие с НК РФ в той мере, в какой он не является обременительным и позволяет четко и объективно отразить в бухгалтерских документах совершаемые продавцом и покупателем действия, обуславливающие возможность предъявления продавцом к вычету сумм НДС, уплаченных с реализации, а покупателю - уплатить в бюджет суммы этого налога, ранее заявленные к вычету из бюджета.

Из этого вытекает, что определенный на уровне подзаконного акта и правоприменительной практики налоговых органов порядок оформления возврата товаров, предполагающий выставление покупателем «обратного» счета-фактуры, имеет своей целью исключение риска злоупотребления правом участниками сделки - недопущение ситуаций, когда исчисленные при первоначальной отгрузке товара суммы НДС корректируются (заявляются к вычету) продавцом без совершения покупателем, возвращающим товар, аналогичной корректировки сумм налога, принятых к вычету.

Однако, как установлено судом первой инстанции и по существу не опровергнуто налоговым органом, покупатель не принимал к вычету НДС при приобретении имущества у общества.

Более того, судом округа констатировано, что третье лицо в действительности исчислило налог при возврате товара Обществу, отразив соответствующую сумму НДС в своей налоговой отчетности. То есть обстоятельство, доказательством которого должен был выступить выставленный обществу «обратный» счет-фактура, нашло свое подтверждение.

Вменение налогоплательщику основанной на подзаконном акте обязанности получить счет-фактуру от покупателя, не передавшего данный документ добровольно, в качестве условия реализации законного права Общества на корректировку излишне уплаченного НДС, в такой ситуации становится обременительной (избыточной) мерой. Учитывая, что данное требование не позволило реализовать за-

конные права налогоплательщика и привело к взиманию налога в отсутствие объекта налогообложения, произведенные Инспекцией доначисления не могли быть признаны правомерными.

Принимая во внимание изложенное, постановление арбитражного суда кассационной инстанции подлежит отмене, а решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции подлежат оставлению в силе. (А79-12226/2017)

Поскольку удержание по своей правовой конструкции имеет общие черты с залогом, предполагающим передачу владения залогодержателю, кредитор, владеющий заложенным (удерживаемым) имуществом, обязан передать это имущество в конкурсную массу должника в процедуре, предполагающей обращение взыскания.

Общество-1 (заказчик), являясь собственником автомотрисы, передало ее для капитального ремонта Обществу-2 (подрядчику) на основании заключенного с ним договора от 20.03.2013.

Общество-1 выполненные Обществом-2 работы по договору от 20.03.2013 полностью приняло, но оплатило только их часть, поэтому вступившим в законную силу решением арбитражного суда г. Москвы с заказчика в пользу подрядчика взыскана задолженность по оплате выполненных ремонтных работ, а также неустойка.

Общество-2 31.10.2014 уведомило заказчика об удержании автомотрисы с принятием ее на ответственное хранение до полной уплаты заказчиком задолженности.

Впоследствии 30.08.2016 в отношении Общества-1 определением арбитражного суда г. Москвы была введена процедура наблюдения, требования Общества-2 о взыскании задолженности по договору от 20.03.2013 включены в реестр требований кредиторов должника третьей очереди. 31.05.2017 решением арбитражного суда г. Москвы Обществу-2 отказано в иске об обращении взыскания на удерживаемое спорное имущество Общества-1 ввиду введения в отношении данного общества процедуры наблюдения.

Общество-1, считая, что Общество-2 не вправе удерживать принадлежащую ему автомотрису, обратилось в арбитражный суд.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска об истребовании из владения ответчика спорной автомотрисы.

Суды исходили из следующего: договор от 20.03.2013 на капитальный ремонт, на основании которого ответчик удерживает автомотрису, не расторгнут ни истцом, ни ответчиком, является действующим, поэтому настоящий спор о возврате имущества вытекает из договорных отношений и не подлежит разрешению по правилам статей 301 и 302 ГК РФ; предусмотренные статьями 728 и 729 ГК РФ основания для предъявления к ответчику требования о возврате автомотрисы не наступили; при этом в настоящее время Общество-2 имуществом не владеет, поскольку передало его на хранение третьему лицу.

Суд округа согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Между тем судами не учтено следующее.

Целью заявленного истцом требования является обязание ответчика возвратить спорное имущество, которое, по мнению истца, ответчик удерживает незаконно.

Поскольку вопросы правовой квалификации относятся к компетенции суда, не может служить основанием для отказа в иске вывод судов о том, что при наличии не расторгнутого сторонами договора от 20.03.2013 на капитальный ремонт, на основании которого ответчик удерживает автомотрису, настоящий спор о возврате имущества вытекает из договорных отношений и не подлежит разрешению по правилам статей 301 и 302 ГК РФ, на которые сослалось Общество-1 в исковом заявлении.

Является неправильной в настоящем деле ссылка судов на статьи 728 и 729 ГК РФ, поскольку данными нормами регламентирован порядок и основания возврата подрядчиком переданной ему для переработки (ремонта) вещи заказчику, который отказался от договора до передачи ему результата работ или в связи с несвоевременным выполнением подрядчиком работ или их ненадлежащим качеством. Между тем, как следует из материалов дела и не оспаривается сторонами, ответчик (подрядчик) выполнил ремонт автомотрисы, а истец (заказчик) принял результат работ по акту, подписанному им без замечаний и претензий по качеству.

Вывод судов о том, что спорное имущество не может быть истребовано у ответчика, поскольку он утратил владение им в связи с передачей автомотрисы на ответственное хранение третьему лицу, также неверен, поскольку владельцем, надлежащим ответчиком необходимо считать не только обладателя вещи, но и того, кто передал вещь во временное владение. Если лицо, удерживающее вещь (ретентор), может определять физическую судьбу вещи, то он обладает владением и при передаче вещи на хранение. Владение спорным имуществом хранителем является производным, временным, целиком зависящим от воли поклажедателя. К тому же в соответствии с пунктом 1 статьи 900 ГК РФ хранитель обязан возвратить вещь поклажедателю или лицу, указанному им в качестве получателя.

Согласно материалам дела Общество-2 удержало отремонтированную автомотрису ввиду неполной оплаты заказчиком выполненной работы на основании статьи 712 ГК РФ, которой предусмотрено, что при неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму, причитающуюся подрядчику в связи с выполнением договора подряда, подрядчик имеет право на удержание в соответствии со статьями 359 и 360 данного Кодекса результата работ, а также принадлежащих заказчику оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи, остатка неиспользованного материала и другого оказавшегося у него имущества заказчика до уплаты заказчиком соответствующих сумм.

В пункте 1 статьи 359 ГК РФ предусмотрено, что кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

В силу статьи 360 ГК РФ требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, которые предусмотрены для удовлетворения требований, обеспеченных залогом.

В исковом заявлении Общество-1 указало, что поскольку в соответствии со статьей 360 ГК РФ права лица, удерживающего имущество, могут быть защищены путем предъявления иска об обращении взыскания на имущество, при этом арбит-

ражный суд в 2017 году отказал Обществу-2 в иске об обращении взыскания на спорную автомотрису по причине возбуждения в отношении должника дела о банкротстве, требования Общества-2 по оплате задолженности по договору подряда от 20.03.2013 включены в реестр требований кредиторов третьей очереди, у названного общества не имеется законных оснований для удержания автомотрисы.

Поскольку суды данные доводы истца не рассмотрели и не дали им оценку, допустили нарушения норм материального и процессуального права, прав и законных интересов подателя жалобы, на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации принятые по делу судебные акты подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду надлежит учесть следующее.

Разрешая вопрос о допустимости возврата имущества, удерживаемого кредитором, следует учитывать, что, по общему правилу, до исполнения должником обязательства перед кредитором вещь не может быть возвращена, иначе ввиду отсутствия владения удержание, несущее в себе обеспечительную функцию (пункт 1 статьи 329 ГК РФ), было бы прекращено.

В то же время необходимо заметить, что с экономической точки зрения смысл удержания как способа обеспечения исполнения обязательства заключается в том, что отстранение собственника от владения вещью должно побудить его к наиболее оперативному погашению долга перед кредитором в целях возврата имущества. Это обусловлено тем, что в период, пока вещь удерживается, отсутствует возможность пользования ею, извлечения из нее доходов и выгоды.

Если становится очевидно, что цель склонить должника к скорейшим расчетам не может быть достигнута (например, должник не проявляет интерес к возврату имущества), действующему добросовестно ретентору в разумный срок следует обратить взыскание на имущество в порядке, предусмотренном для удовлетворения требований, обеспеченных залогом (статья 360 ГК РФ). Таким образом, при нормальном обороте удержание не может длиться бессрочно, оно должно быть ограничено разумно достаточным периодом для реализации кредитором своих прав.

Как следует из материалов дела, Общество-2 длительное время не предпринимало действий, направленных на обращение взыскания на удерживаемое имущество. Более того, кредитор передал имущество на хранение и в настоящее время соответствующие расходы, увеличивающие убытки ретентора, которые он предъявил ко взысканию с должника (Общество-1), сопоставимы со стоимостью самой вещи. При этом необходимо дать оценку тому, являлся ли период времени, предшествующий банкротству истца, достаточным для того, чтобы как удостовериться в нежелании должника возвращать себе имущество, так и для совершения действий по обращению на него взыскания, добросовестно ли действовал ответчик в период удержания вещи.

Если суд при новом рассмотрении придет к выводу об удержании имущества сверх должного, следует учесть, что в обычном гражданском обороте (при наличии положительных финансовых показателей у сторон спорных правоотношений) такой вывод должен повлечь необходимость обращения взыскания на имущество должника в принудительном порядке с передачей ему оставшихся после погашения долга денежных средств.

Однако должник (истец) на протяжении более чем двух с половиной лет находится в процедуре наблюдения. По смыслу статьи 63 Закона о банкротстве в пе-

риод наблюдения расчеты с кредиторами не осуществляются. Однако удержание как способ обеспечения исполнения обязательств сохраняет свое действие и в банкротстве, поэтому с учетом положений статьи 360 ГК РФ в рамках дела о несостоятельности обеспечительные права кредитора реализуются по аналогии с правилами о залоге (статьи 18.1, 138 Закона о банкротстве).

Поскольку удержание по своей правовой конструкции имеет общие черты с залогом, предполагающим передачу владения залогодержателю, права ретентора подлежат осуществлению применительно к разъяснениям, приведенным в пункте 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», по смыслу которых кредитор, владеющий заложенным (удерживаемым) имуществом, обязан передать это имущество в конкурсную массу должника в процедуре, предполагающей обращение взыскания.

Согласно пункту 1 статьи 18.1 Закона о банкротстве в процедуре наблюдения не допускается обращение взыскания на заложенное имущество. Поэтому по общему правилу основания для передачи имущества в рамках данной процедуры в конкурсную массу отсутствуют.

Вместе с тем, если суд при установлении оснований для длящегося пять лет удержания имущества, исходя из обстоятельств конкретного дела и с учетом того, что в процедуре банкротства нельзя обратить взыскание на удерживаемое имущество, придет к выводу об удержании ретентором имущества сверх должного, он вправе понудить ответчика возвратить имущество в конкурсную массу с тем, чтобы оно было реализовано в рамках следующей процедуры. Такое решение, помимо прочего, исключит возможность дальнейшего наращивания убытков, связанных с хранением имущества, а также предоставит должнику возможность возобновить пользование автомотрисой для извлечения прибыли.

При этом в целях предотвращения отчуждения должником вещи третьим лицам и потери кредитором обеспечения передача вещи в конкурсную массу может быть осуществлена только при условии внесения в реестр уведомлений о залоге движимого имущества соответствующей записи (пункт 1 статьи 6, пункт 4 статьи 339.1 ГК РФ), а также с последующим признанием за требованиями кредитора в деле о банкротстве залогового статуса.

Учитывая изложенное, судебные акты первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене, дело – направлению на новое рассмотрение. (А82-25746/2017)

Возврат арендованной вещи по причине прекращения договора не может квалифицироваться как действие, направленное на приоритетное удовлетворение требования арендодателя, поскольку такой возврат имущества не влияет на уже сформировавшуюся задолженность по арендной плате и не направлен на прекращение денежного обязательства по уплате долга.

Управлением и Обществом (далее – компания, должник) 09.01.2014 и 08.08.2014 заключены 22 договора аренды земельных участков.

Во исполнение этих договоров, имеющих типовые условия, арендодатель передал должнику в аренду на срок до 18.02.2020 земельные участки для строительства. Арендатор, в свою очередь, обязался своевременно вносить арендные платежи.

В последующем, на основании решения суда от 17.07.2017 арендатор признан несостоятельным (банкротом).

Управление, сославшись на то, что строительство на земельных участках никогда не велось, арендная плата должником ни разу не вносилась с 30.07.2015, судебные решения о взыскании текущей задолженности по арендной плате не исполняются, обратилось в суд заявлением о расторжении договоров и об обязании должника возвратить земельные участки.

Отказывая в удовлетворения заявления Управления, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что право аренды является оборотоспособным активом должника, поскольку находящиеся в публичной собственности земельные участки переданы в аренду на срок, превышающий пять лет. Этот актив вошел в конкурсную массу и подлежит реализации на торгах в целях удовлетворения требований кредиторов должника. Суды сочли, что расторжение договоров повлечет за собой предпочтительное погашение требований арендодателя к должнику, данным расторжением будут нарушены права и законные интересы других кредиторов должника. Кроме того, суды пришли к выводу о том, что действия Управления, направленные на прекращение арендных отношений, не отвечают принципу добросовестности.

Между тем судами не учтено следующее.

Пункт 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации допускает возможность досрочного расторжения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенного на срок более чем пять лет, по требованию арендодателя на основании решения суда при существенном нарушении арендатором условий договора.

Суды не привели каких-либо специальных норм или договорных условий, применимых к рассматриваемым отношениям, которыми бы устанавливался запрет на расторжение заключенных в 2014 году договоров аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, на которых отсутствуют объекты, в том числе незавершенные строительством. В Законе о банкротстве не содержатся положения о том, что открытие в отношении должника-арендатора процедуры конкурсного производства автоматически лишает арендодателя права на досрочное расторжение договора при наличии к тому оснований, установленных иными законами.

Вопреки выводам судов, возврат арендованной вещи по причине прекращения договора не может квалифицироваться как действие, направленное на приоритетное удовлетворение требования арендодателя, поскольку такой возврат имущества не влияет на уже сформировавшуюся задолженность по арендной плате и не направлен на прекращение денежного обязательства по уплате долга по правилам главы 26 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Сохранение договорных отношений в ситуации систематического невнесения платежей арендатором, так и не приступившим к строительству, не только нарушает права публичного собственника, не получающего того, на что он справедливо рассчитывал при заключении договора аренды, но и влечет за собой наращивание задолженности по текущим арендным платежам, чем может ухудшаться положение кредиторов арендатора.

Учитывая изложенное, нельзя согласиться с выводом судов о том, что о злоупотреблении правом со стороны арендодателя, интересы которого ущемляются

длительным неисполнением контрагентом договорных обязательств, свидетельствует сам факт предъявления им требования о расторжении сделок.

Допущенные судами нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов управления, в связи с чем определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене, обособленный спор – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. (№ А17-4841/2015)

В случае получения налогоплательщиками субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение ранее понесенных затрат, связанных с оплатой приобретенных товаров (работ, услуг, имущественных прав), основания для включения таких сумм в налоговую базу отсутствуют.

Предприятие создано в целях удовлетворения потребностей в жилищно-коммунальных услугах населения и организаций социально-культурной сферы, бытовых и производственных нужд промышленных потребителей муниципального образования.

Для достижения указанных целей Предприятие осуществляет виды деятельности, поименованные в пункте 2.3 Устава Предприятия, в том числе: содержание и ремонт уличного освещения; ремонт и содержание ливневой канализации; содержание и ремонт объектов благоустройства (свалка бытовых отходов, общественные туалеты, пляж и др.); содержание и ремонт дворовых территорий и муниципальных дорог; прочие виды деятельности, не противоречащие действующему законодательству, по согласованию с учредителем.

Между Администрацией и Предприятием заключены соглашения, предметом которых являлось предоставление Предприятию субсидий на частичное возмещение затрат по содержанию и ремонту объектов внешнего благоустройства муниципального образования, принадлежащих Предприятию на праве хозяйственного ведения.

Согласно условиям заключенных соглашений субсидии предоставляются для возмещения затрат, связанных с ремонтом и содержанием дорог, устройством искусственных неровностей, разметок и установкой дорожных знаков, содержанием и ремонтом объектов ливневой канализации, организацией уличного освещения. Субсидии предоставляются путем перечисления денежных средств с лицевого счета Администрации на расчетный счет Предприятия в пределах утвержденных лимитов бюджетных обязательств, предусмотренных на данные цели в бюджете муниципального образования.

Инспекцией (далее – налоговый орган) проведена выездная налоговая проверка Предприятия (далее – налогоплательщик) по вопросам правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) налогов и сборов за период с 01.01.2013 по 31.12.2015.

По результатам проверки Инспекцией вынесено решение о привлечении Предприятия к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым Предприятию доначислены налоги и пени, а также взыскан штраф за совершение правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) за неполную уплату налога на добавленную стоимость (далее – НДС) и транспортного налога.

Основанием доначисления НДС, соответствующих сумм пеней и штрафа по результатам налоговой проверки послужил вывод Инспекции о том, что денежные средства в виде субсидий фактически получены Предприятием в качестве оплаты за оказанные услуги (выполненные работы) и являются его выручкой от реализации, в связи с чем на основании подпункта 1 пункта 1 статьи 146, пункта 2 статьи 153, пункта 1 статьи 154 и подпункта 2 пункта 1 статьи 162 НК РФ данные суммы подлежат включению в налоговую базу при исчислении НДС.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать недействительным решение налогового органа, а также требование об уплате налога, сбора, страховых взносов, пени, штрафа, процентов, выставленное на основании указанного решения.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и постановлением суда округа, Предприятию отказано в удовлетворении требования о признании недействительным решения Налогового органа, в части оспаривания требования заявление Предприятия оставлено без рассмотрения.

Суды трех инстанций, признавая законным решение Налогового органа и отказывая в удовлетворении требований Предприятия, признали правильными выводы Налогового органа, дополнительно отметив, что в соответствии с пунктом 2 статьи 154 НК РФ в налоговую базу по НДС не включаются только те субсидии, которые предоставляются налогоплательщику бюджетом в связи с применением таким лицом государственных регулируемых цен или льгот, предоставляемых отдельным потребителям для целей покрытия соответствующего убытка, в то время как спорные субсидии выделены налогоплательщику на частичное возмещение его затрат, возникших при выполнении работ (оказании услуг) по содержанию и обслуживанию объектов, переданных ему в хозяйственное ведение.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 146 НК РФ объектом обложения НДС признаются, в том числе, операции по реализации работ и услуг на территории Российской Федерации.

Под реализацией работ и услуг по общему правилу понимается выполнение работ одним лицом для другого лица, возмездное оказание услуг одним лицом другому лицу (пункт 1 статьи 39 Налогового кодекса).

На основании пункта 2 статьи 154, подпункта 2 пункта 1 статьи 162 НК РФ при определении налоговой базы выручка от реализации работ и услуг определяется исходя из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по их оплате в денежной и (или) натуральной формах, а также исходя из сумм, полученных налогоплательщиком в счет увеличения доходов либо иначе связанных с оплатой реализованных товаров (работ, услуг), включая финансовую помощь.

В силу приведенных положений законодательства сам по себе факт получения налогоплательщиком финансовой помощи от своего учредителя – муниципального образования, например, в виде бюджетной субсидии, не является основанием для взимания НДС с полученных сумм. Значение имеет возможность квалификации деятельности Предприятия как реализации услуг (работ) в соответствии с пунктом 1 статьи 39 НК РФ и направленность финансовой помощи на увеличение доходов налогоплательщика от реализации работ и услуг.

Исходя из изложенного, в налоговую базу по НДС могут включаться субсидии из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предоставленные в целях возмещения недополученных доходов в связи с производством и (или) реализацией товаров (работ, услуг), облагаемых НДС. При этом суммы НДС по товарам (работам, услугам, имущественным правам), приобретенным налогоплательщиками за счет указанных субсидий, подлежат вычету в порядке и на условиях, установленных статьями 171 и 172 НК РФ.

В случае получения налогоплательщиками субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение ранее понесенных затрат, связанных с оплатой приобретенных товаров (работ, услуг, имущественных прав), основания для включения таких сумм в налоговую базу отсутствуют, а принятые налогоплательщиками в установленном порядке к вычету по товарам (работам, услугам, имущественным правам), затраты на приобретение которых возмещаются за счет указанных субсидий, подлежат восстановлению на основании подпункта 6 пункта 3 статьи 170 НК РФ (в редакции Федерального закона от 27.11.2017 № 335-ФЗ).

При рассмотрении настоящего дела суды установили, что деятельность по содержанию муниципального имущества (объектов городского благоустройства) велась налогоплательщиком в силу его уставных задач как унитарного предприятия, а не в связи с необходимостью удовлетворения потребностей Администрации как хозяйствующего субъекта.

Субсидии предоставлялись Предприятию не в силу его вступления в гражданско-правовые отношения с Администрацией и не по согласованной между ними цене, подлежавшей безусловной уплате, а по основаниям, предусмотренным бюджетным законодательством – на основании правового акта муниципального образования о предоставлении субсидии, в пределах выделенного на эти цели бюджетного финансирования.

Следовательно, несмотря на то, что упоминание о выполнении Предприятием работ и оказания услуг имеется в соглашении о предоставлении субсидий, деятельность Предприятия не отвечала определению понятия реализации услуг и работ, приведенному в пункте 1 статьи 39 НК РФ.

Не свидетельствует о наличии оснований для взимания НДС в рассматриваемом случае и тот факт, что содержание, ремонт объектов уличного освещения, автомобильных дорог местного значения, связанных с ними ливневых канализаций, дорожной разметки и дорожных знаков необходимо для решения вопросов местного значения.

В данном случае налогоплательщик как унитарное предприятие, созданное для решения вопросов местного значения, нес бремя содержания имущества, переданного ему на баланс муниципальным образованием. Предприятие несло расходы на поддержание этого имущества в надлежащем состоянии, на ремонт и создание условий для его безопасной эксплуатации, закупая необходимые товары, работы и услуги у третьих лиц, и целью предоставления субсидий являлась финансовая поддержка налогоплательщика посредством возмещения понесенных им затрат на содержание данного имущества, а не возмещение неполученных доходов.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации субсидирование расходов Предприятия являлось способом целевого финансирования деятельности налогоплательщика со стороны учредителя, а не способом оплаты реализованных им ра-

бот (услуг), и не могло выступать основанием для взимания НДС с полученных сумм финансовой помощи.

Принимая во внимание изложенное, оспариваемые судебные акты арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене в оспариваемой части, а требование Предприятия – подлежит удовлетворению. (№ А29-6014/2018)

При подаче должником заявления о собственном банкротстве он не вправе предлагать саморегулируемую организацию, кандидатуру арбитражного управляющего – эта кандидатура определяется посредством случайного выбора.

22.05.2018 единственным участником Общества принято решение о ликвидации этой организации, ликвидатором назначен Суворов А.В.

Обратившись 12.07.2018 в суд с заявлением о банкротстве должника, кредитор Худоконенко К.В. предложила утвердить конкурсным управляющим Столяровy С.В.

Отклоняя данную кандидатуру, суд первой инстанции исходил из того, что действия заявителя по делу о банкротстве, ликвидатора должника Суворова А.В. и арбитражного управляющего Столяровой С.В. являлись согласованными, были направлены на преодоление установленного пунктом 5 статьи 37 Закона о банкротстве специального порядка выбора саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит утверждению конкурсный управляющий должником. Арбитражный управляющий Николаев В.В. определен судом с учетом особенностей рассмотрения дел о несостоятельности, возбужденных по заявлению самого должника или аффилированного с ним лица, посредством случайного выбора саморегулируемой организации арбитражных управляющих в соответствии с порядком, утвержденным распоряжением председателя арбитражного суда.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие прямых доказательств заинтересованности Столяровой С.В. по отношению к Худоконенко К.В. и должнику, свидетельствующих о наличии предусмотренных пунктом 2 статьи 20.2 Закона о банкротстве препятствий для утверждения конкурсным управляющим предложенного кредитором кандидата.

Суд округа согласился с судом апелляционной инстанции.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

При подаче должником заявления о собственном банкротстве он не вправе предлагать саморегулируемую организацию, кандидатуру арбитражного управляющего, эта кандидатура определяется посредством случайного выбора (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве). Такое правовое регулирование направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего, предотвращение потенциального конфликта интересов, то есть на устранение всяких сомнений относительно того, что управляющий в приоритетном порядке будет отстаивать интересы должника в ущерб интересам гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов.

Как разъяснено в пункте 27.1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного

Суда Российской Федерации 20.12.2016 (в редакции от 26.12.2018), установленное пунктом 5 статьи 37 Закона о банкротстве правило по аналогии (пункт 1 статьи 6 Гражданского кодекса Российской Федерации) подлежит применению и в ситуации, когда кандидатура управляющего, саморегулируемая организация предложены заявителем по делу о банкротстве, аффилированным по отношению к должнику или имеющим возможность иным образом определять его действия.

В рассматриваемом случае суд первой инстанции установил, что ликвидатор должника Суворов А.В. и арбитражный управляющий Столярова С.В. использовали один и тот же абонентский ящик для переписки с третьими лицами и приема от них корреспонденции. Ранее Суворов А.В., обращаясь с заявлением о признании банкротом другого хозяйственного общества, предложил утвердить арбитражным управляющим Столярову С.В. В рамках этого дела интересы арбитражного управляющего Столяровой С.В. представляла Худоконенко К.В. (дело № А11-1372/2017 Арбитражного суда Владимирской области).

Со ссылкой на указанные обстоятельства и возникшие в связи с этим сомнения относительно независимости арбитражного управляющего Столяровой С.В. арбитражный суд первой инстанции дважды предлагал кредитору и должнику представить дополнительные письменные объяснения о возможности утверждения Столяровой С.В. конкурсным управляющим в рамках настоящего дела о банкротстве ликвидируемого Общества. Однако кредитор Худоконенко К.В., не отрицая факт знакомства со Столяровой С.В., не дала суду каких-либо разумных пояснений по поводу того, чем она руководствовалась при выборе кандидатуры арбитражного управляющего, об обстоятельствах, при которых это знакомство состоялось. В свою очередь, ликвидатор Суворов А.В. не раскрыл причины, по которым почтовая корреспонденция, адресованная ему и арбитражному управляющему Столяровой С.В., поступала в одно и тот же место.

При этом из общедоступной базы судебных актов арбитражных судов видно, что наряду с заявлением о возбуждении производства по рассматриваемому делу Худоконенко К.В. подавала заявления о признании банкротами иных ликвидируемых обществ с ограниченной ответственностью (дела № А17-5677/2018 и № А17-5680/2018). В обоих случаях кредитор Худоконенко К.В. предлагала утвердить конкурным управляющим Столярову С.В., а ликвидатором должников был Суворов А.В.

В упомянутых делах, рассмотренных Арбитражным судом Ивановской области и оконченных в связи с завершением конкурсного производства, равно как и в настоящем деле, кредитор Худоконенко К.В. безразлично относилась к тому, что ее требования остаются непогашенными, что выходит за рамки стандартного поведения любого независимого кредитора. При этом она не отмечала какие-либо профессиональные качества и заслуги кандидата, которые побуждали ее раз за разом предлагать в качестве управляющего Столярову С.В.

Констатировав отсутствие прямых доказательств заинтересованности Столяровой С.В. по отношению к кредитору и должнику, суд апелляционной инстанции не принял во внимание положения части 2 статьи 9 и части 1 статьи 65 АПК РФ, в соответствии с которыми в сложившейся ситуации именно заявителю по делу о банкротстве надлежало снять обоснованные сомнения, возникшие у суда первой инстанции, относительно независимости предложенного им кандидата.

Суд первой инстанции установил, что кандидатура выбранного случайным образом управляющего Николаева В.В. соответствует требованиям статей 20 и 20.2

Закона о банкротстве, препятствий для его утверждения не имеется. Данные обстоятельства не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа.

Таким образом, не имелось оснований для отмены решения суда первой инстанции, в связи с чем постановления судов апелляционной инстанции и округа в части утверждения арбитражного управляющего следует отменить и оставить в указанной части в силе решение суда первой инстанции. (№ А31-8779/2018)

Рассматривая дела о выплате доли в уставном капитале юридического лица, суду необходимо установить, не приведет ли выкуп доли к банкротству юридического лица.

Т. являлся участником Общества с долей в размере 25 % уставного капитала.

30.06.2016 он направил в адрес Общества извещение о намерении продать принадлежащую ему долю в уставном капитале Общества третьему лицу.

От другого участника Общества в адрес Т. 29.07.2016 поступило письмо с отказом в предоставлении согласия на продажу доли третьему лицу.

Поскольку Устав Общества (пункт 7.3) предусматривал необходимость получения участником Общества от других участников согласия на отчуждение доли третьему лицу, после направления указанного выше письма Общество стало обязанным выплатить Т. действительную стоимость его доли в уставном капитале (абзацы первый и третий пункта 2 статьи 23 Федерального закона Российской Федерации от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Неосуществление названной выплаты послужило основанием для обращения Т. в арбитражный суд с иском к Обществу о взыскании действительной стоимости доли в уставном капитале Общества.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и суда округа, заявленные истцом требования удовлетворены полностью; распределены судебные расходы. Суды также отметили, что иск о взыскании действительной стоимости доли подан до возбуждения дела о банкротстве Общества, закон не исключает возможности рассмотрения этого иска судом и принятия по нему решения.

Между тем судами не учтено следующее.

Финансовое положение общества является тем объективным и ключевым фактором, который, в первую очередь, влияет на стоимость долей участников такого общества в уставном капитале. Чем больше в структуре баланса (исходя из его рыночных показателей) разница между имуществом (активами) общества и его обязательствами перед третьими лицами (пассивами), тем выше стоимость доли участника. И, напротив, при сокращении названной разности, составляющей чистые активы общества, предполагается, что стоимость доли должна пропорционально уменьшаться.

Принимая обжалуемые судебные акты, суды фактически проигнорировали то обстоятельство, что спустя не столь продолжительный период времени после выхода Т. из Общества (далее – должник) в отношении последнего была инициирована процедура несостоятельности (дело № А43-24954/2017).

Должник 02.04.2018 был признан банкротом. При этом как следует из Картотеки арбитражных дел, в рамках дела о банкротстве признаны обоснованными требования, которые возникли и должны были быть погашены до появления у Общества обязанности выплатить действительную стоимость доли истцу. В настоящий момент конкурсное производство завершено.

Таким образом, последовавшие за выходом Т. из Общества события убедительным образом ставят под сомнение финансовое благополучие должника, наличие у него чистых активов и существование положительной структуры баланса (с точки зрения рыночных цен). Подобные сомнения могли быть опровергнуты, например, указанием на то, что в промежуток времени после выхода участника из Общества и до возбуждения дела о банкротства в деятельности должника произошли какие-либо экстраординарные обстоятельства, спровоцировавшие существенное ухудшение его платежеспособности.

Однако суды в нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ соответствующий вопрос не исследовали и наличие подобных обстоятельств не устанавливали. Вместо этого суды при принятии решения фактически ограничились выводами эксперта, не сопоставив с ними объективные данные об Обществе. В то же время подобное сопоставление ставит под сомнение выводы эксперта, что свидетельствует о необходимости более детального исследования обстоятельств дела с целью устранения возникших противоречий.

На наличие иных косвенных оснований сомневаться в выводах эксперта также указывал ответчик. В частности, он обращал внимание судов на то, что эксперт, определяя рыночную стоимость доли, фактически в основу своих выводов положил балансовую стоимость принадлежащего Обществу имущества, не осматривая запасы пообъектно. Кроме того, эксперт в нарушение позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 09.11.2016 № 338-ПЭК16, не применил понижающие коэффициенты (так называемые скидки) на неконтрольный характер доли истца и недостаточную ликвидность.

Приведенные доводы в совокупности с вышеперечисленными противоречиями указывают на необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы (статья 87 АПК РФ), о чем заявлял ответчик в суде первой инстанции (однако определением от 02.04.2018 в назначении повторной экспертизы отказано). Поэтому выводы судов о действительной стоимости доли Т. сделаны преждевременно.

В связи с существенным нарушением норм права, выразившемся в неполном исследовании обстоятельств дела, которые повлияли на его исход и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Общества, обжалуемые судебные акты подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. (№ А43-1397/2017)

Если вопрос о вычете «входящего» налога, предъявленного налогоплательщику, возникает в связи с несением издержек на рекламу, то вид и способ распространения рекламы не должны влиять на оценку правомерности налоговых вычетов. Иное не отвечало бы принципу нейтральности НДС.

Между Обществом-1 (покупатель) и Обществом-2 (поставщик) заключен договор, по условиям которого поставщик обязался изготовить согласно оригинал-макетам, разработанным Обществом-1, и передать покупателю рекламную продукцию – каталоги, листовки, стопперы и буклеты. Стоимость единицы каждого вида рекламной продукции установлена сторонами договора в размере менее 100 рублей.

В связи с приобретением упомянутой рекламной продукции Общество-1 в течение 2014 – 2015 гг. приняло к вычету суммы НДС, предъявленные Обществом-2.

Инспекцией (далее – налоговый орган) проведена выездная налоговая проверка Общества-1 (далее – налогоплательщик) по вопросам соблюдения налогового законодательства, правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) налогов и сборов за период 2014-2015 гг.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении Общества-1 к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым Обществу-1 доначислены, в том числе, налог на добавленную стоимость (далее – НДС), пени и штраф, предусмотренный пунктом 1 статьи 122 НК РФ.

Основанием для доначисления НДС по данном эпизоду послужил вывод налогового органа о неправомерном принятии к вычету названной суммы «входящего» налога в нарушение подпункта 25 пункта 3 статьи 149 и подпункта 1 пункта 2 статьи 171 НК РФ. По мнению Инспекции, приобретенная Обществом-1 рекламная продукция не предназначена для использования в облагаемых НДС операциях, поскольку не имеет ценности для потребителей и, соответственно, не может быть использована иным образом, кроме как для получения информации о продавце и его товарах, а не для ее реализации покупателям.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, Общество-1 обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать решение Инспекции недействительным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и постановлением суда округа, заявление удовлетворено частично: оспоренное решение Инспекции признано недействительным в части доначисления НДС, соответствующих сумм пеней и штрафа, в удовлетворении остальной части заявленного требования отказано.

Суды трех инстанций, соглашаясь с выводами налогового органа, исходили из того, что каталоги и брошюры сами по себе не отвечают признакам товара, а являются средством ознакомления покупателей с предложенным продавцом описанием продукции, следовательно, передача этих каталогов и брошюр не образует объекта налогообложения НДС, независимо от величины расходов на их приобретение (создание). Принимая во внимание, что суммы НДС, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров, подлежат вычету только в случае использования этих товаров для осуществления операций, облагаемых НДС, с точки зрения судов, у Общества-1 отсутствовали правовые основания для применения налоговых вычетов.

Между тем судами не учтено следующее.

На основании пункта 3 статьи 3 НК РФ необходимо принимать во внимание, что по своей экономико-правовой природе НДС является косвенным налогом на потребление товаров (работ, услуг), системно взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий, и перелагаемым на потребителей в цене реализуемых им товаров, работ и услуг. Определение правовой природы НДС как косвенного налога на потребление основано на решениях Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 28.11.2017 № 34-П, от 10.07.2017 № 19-П, от 03.06.2014 №-34-П, от 28.03.2000 № 5-П и др.) и поддерживается в формируемой Верховным Судом Российской Федерации судебной практике (определения Судебной коллегии по экономическим спорам от 03.10.2017 № 305-КГ17-4111, от 13.09.2018 № 309-КГ18-7790).

Признание НДС как налога на потребление (перелагаемого на потребителей налога), в частности, означает, что хозяйствующим субъектам, приобретающим товары, работы, услуги для использования при совершении облагаемых операций, должна быть предоставлена возможность вычесть из НДС, исчисленного при совершении собственных облагаемых операций, и предъявленного к оплате покупателям (потребителям), суммы так называемого «входящего» налога – суммы НДС, предъявленные контрагентами самому налогоплательщику при приобретении у них товаров (работ, услуг).

В связи с этим положениями пункта 2 статьи 171 и пункта 1 статьи 173 НК РФ установлено, что при определении НДС, подлежащего к уплате в бюджет, суммы налога, исчисленные по собственным облагаемым налогом операциям налогоплательщика, уменьшаются на налоговые вычеты – суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения.

Таким образом, для принятия к вычету сумм «входящего» налога имеет значение наличие объективной взаимосвязи между конкретными операциями по приобретению товаров (работ, услуг) и корреспондирующими им операциями, формирующими объект налогообложения у налогоплательщика, в частности, операциями по реализации товаров (работ, услуг) самим налогоплательщиком, а в том случае, когда понесенные издержки на приобретение товаров, работ и услуг носят общий характер (не могут быть соотнесены непосредственным образом с каждой единицей реализуемых товаров, работ и услуг) – направленность данных издержек в целом на обеспечение деятельности налогоплательщика, в рамках которой им совершаются облагаемые НДС операции.

При этом в силу принципа нейтральности НДС по отношению к хозяйствующим субъектам, вытекающего из природы данного налога как налога на личное и приравненное к нему потребление, и отражающего закрепленное в пункте 1 статьи 3 НК РФ требование равного отношения к налогоплательщикам, хозяйствующие субъекты, юридически признаваемые плательщиками НДС, и осуществляющие одинаковые облагаемые налогом операции, не должны подвергаться различному налогообложению, в частности, при решении вопроса о возможности предоставления им права вычета сумм «входящего» НДС, в отсутствие к тому разумных и объективных причин, согласующихся с природой налога (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2018 № 306-КГ18-13567).

Реклама по определению, приведенному в пункте 1 статьи 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», всегда направлена на привлечение внимания к определенному объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Следовательно, если вопрос о вычете «входящего» налога, предъявленного налогоплательщику, возникает в связи с несением издержек на рекламу, то вид и способ распространения рекламы (без передачи рекламных материалов – с использованием средств массовой информации и посредством размещения наружной рекламы, либо посредством передачи потребителям буклетов, каталогов и иных подобных материалов), по общему правилу не должны влиять на оценку правомерности налоговых вычетов. Иное не отвечало бы принципу нейтральности НДС, ставя в неравное положение хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичные

облагаемые налогом операции (например, торговые организации), только в зависимости от используемой ими формы привлечения внимания потребителей к своей деятельности и к реализуемым товарам.

С учетом природы рекламы как деятельности, направленной на привлечение внимания и продвижение объекта рекламирования, при решении вопроса о принятии к вычету «входящего» налога по приобретенной налогоплательщиком рекламной продукции значение имеет то обстоятельство, являются ли объектами рекламирования конкретные товары (работы, услуги), реализуемые налогоплательщиком с уплатой НДС и (или) в целом деятельность налогоплательщика, в рамках которой им осуществляются облагаемые налогом операции с объектами рекламирования.

Изложенное не входит в противоречие с подпунктом 25 пункта 3 статьи 149 НК РФ (введен Федеральным законом от 22.07.2005 № 119-ФЗ), в котором имеется указание об освобождении от НДС операций по передаче в рекламных целях товаров (работ, услуг), расходы на приобретение единицы которых не превысили 100 рублей.

Смысл данной нормы состоит в исключении необходимости отдельного исчисления НДС (в дополнение к налогу, исчисляемому при реализации рекламируемых товаров, работ и услуг) в ситуации, когда в рекламных целях потребителю передаются товары незначительной стоимости (менее 100 рублей), на что по существу обращено внимание в абзацах первом-третьем пункта 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2014 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» (далее – постановление Пленума № 33).

В свою очередь, как следует из абзаца четвертого пункта 12 постановления Пленума № 33, положения подпункта 25 пункта 3 статьи 149 НК РФ в любом случае не применимы к ситуациям, когда розничным покупателям передаются рекламные материалы, не имеющие потребительской ценности (не способные служить предметом личного потребления) – не предназначенные для розничной продажи в качестве отдельных товаров и, соответственно, не способные сформировать самостоятельный объект налогообложения помимо реализации товаров, работ и услуг, издержки на рекламу которых понесены налогоплательщиком.

Таким образом, глава 21 НК РФ не содержит положений, препятствующих принятию к вычету сумм «входящего» налога по рекламным материалам, но устанавливает особенности исчисления налога при передаче этих материалов розничным покупателям с учетом того, имеют ли передаваемые материалы потребительскую ценность, могут ли они быть отнесены к товарам незначительной стоимости (менее 100 рублей).

Как следует из материалов дела и не оспаривалось Инспекцией, основным видом деятельности Общества-1 является реализация товаров розничным потребителям через стационарную торговую сеть.

При рассмотрении дела Общество-1 приводило доводы о том, что приобретенные им материалы (листовки, стопперы и буклеты) содержали в себе рекламу товаров, реализуемых через магазины, побуждающую покупателей к приобретению тех или иных видов товаров.

В связи с этим, по мнению налогоплательщика, спорные операции по приобретению рекламной продукции в целом неразрывно связаны с его торговыми опе-

рациями, которые формируют объект обложения НДС, и, следовательно, у Общества-1 имелись предусмотренные пунктом 2 статьи 171 НК РФ основания для принятия к вычету сумм «входящего» налога, предъявленного при приобретении рекламных материалов.

Данные доводы в силу изложенного выше имели значение для оценки правомерности оспариваемого решения Инспекции, поскольку указывают на взаимосвязь между издержками налогоплательщика по приобретению рекламной продукции и обеспечением его облагаемой НДС деятельности, однако они не получили надлежащей оценки со стороны судов.

Учитывая изложенное, состоявшиеся по делу судебные акты арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанции подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. (№ А43-5424/2018)

Отсутствие в мировом соглашении условия о выплате процентного вознаграждения временного управляющего не может являться основанием для отказа в выплате такого вознаграждения.

Определением арбитражного суда первой инстанции в отношении Общества введена процедура наблюдения, временным управляющим утвержден А.

04.12.2015 А. направил в арбитражный суд заявление об определении процентов по вознаграждению временного управляющего, настаивая на сумме 301 205 руб., исчисленной по правилам пункта 10 статьи 20.6 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату его утверждения временным управляющим. При этом А. исходил из того, что на последнюю отчетную дату, предшествовавшую дате введения наблюдения в отношении должника (т.е. на 31.12.2014), по данным бухгалтерской отчетности стоимость активов Общества составляла 83 835 000 руб., следовательно, вознаграждение должно составлять восемьдесят тысяч рублей и три десятых процента размера суммы превышения балансовой стоимости активов должника над десятью миллионами рублей.

10.12.2015 решением арбитражного суда должник признан банкротом, открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден А.

08.02.2016 определением арбитражного суда производство по заявлению А. об утверждении вознаграждения приостановлено до реализации активов должника в ходе конкурсного производства.

Определением от 26.04.2017 арбитражный суд ввел в отношении должника внешнее управление; прекратил процедуру конкурсного производства и полномочия конкурсного управляющего А.; утвердил внешним управляющим П.

25.08.2017 арбитражный суд прекратил производство по делу о банкротстве должника в связи с утверждением мирового соглашения между должником и его конкурсными кредиторами. Размер процентов по вознаграждению временного управляющего А. за процедуру наблюдения в мировом соглашении не определен.

Впоследствии по ходатайству А. арбитражный суд возобновил производство по заявлению об установлении суммы процентов по вознаграждению временного управляющего и определением от 08.06.2018, оставленным без изменения постановлениями апелляционного и окружного судов от 10.09.2018 и от 17.01.2019, отказал в его удовлетворении.

Суды исходили из того, что проценты могут быть выплачены, если они предусмотрены условиями мирового соглашения, чего в настоящем случае не про-

изошло. Кроме того, суды сослались на невозможность установить стоимость активов должника на отчетную дату.

Суды руководствовались пунктом 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве, разъяснениями, данными в абзаце 2 пункта 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» (далее – постановление № 97).

Между тем судами не учтено следующее.

Закон о банкротстве (пункт 1 статьи 20.3, пункты 1, 2, 3, 9 статьи 20.6) гарантирует арбитражному управляющему право на получение вознаграждения в деле о банкротстве, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. По общему правилу вознаграждение выплачивается за счет средств должника в течение десяти календарных дней с даты завершения процедуры, которая применяется в деле о банкротстве и для проведения которой был утвержден арбитражный управляющий.

Расчет суммы процентов по вознаграждению временного управляющего осуществляется по правилам пункта 10 статьи 20.3 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату назначения временного управляющего (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2017 № 305-ЭС16-20547). Сумма процентов по вознаграждению исчисляется от балансовой стоимости активов должника.

Размер вознаграждения может быть снижен при ненадлежащем исполнении временным управляющим своих обязанностей (пункт 5 постановления № 97).

Из пункта 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, данных в пункте 8 постановления № 97, следует исключение из общего правила установления процентного вознаграждения для случая прекращения дела о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения. В этом случае выплата суммы процентов по вознаграждению регулируется условиями мирового соглашения. Однако это исключение установлено лишь для процедуры банкротства, в ходе которой было утверждено мировое соглашение. В отношении иных процедур такого изъятия не установлено и законных оснований распространять его на процедуры, предшествовавшие той, в которой заключалось мировое соглашение, не имеется.

В рассматриваемом обособленном споре право на процентное вознаграждение временного управляющего и порядок его расчета определены законом. А. своевременно обратился в арбитражный суд за установлением размера вознаграждения, представив варианты его расчета, основанные на балансовой стоимости активов должника. Мировое соглашение заключено после процедуры наблюдения. Участие в заключении мирового соглашения А. не принимал и не мог влиять на его условия. Следовательно, отсутствие в мировом соглашении условия о выплате процентного вознаграждения временного управляющего не может являться основанием для полного отказа А. в удовлетворении его требований.

Доводы и доказательства А., касающиеся размера процентного вознаграждения, подлежат судебной оценке по правилам статей 8, 9, 65, 66, 71 АПК РФ с учетом пунктов 5 и 12.6 постановления № 97.

В связи с существенным нарушением норм права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита прав и законных интересов А. в сфере предпринимательской деятельности, обжалованные судебные акты подлежат отмене с направлением обособленного спора на новое

рассмотрение в суд первой инстанции для осуществления расчета взыскиваемой суммы. (А79-5170/2015)

Вознаграждение за услуги по хранению вещи подлежит взысканию с поклажедателя при условии надлежащего исполнения хранителем принятых на себя обязательств.

По условиям договора от 01.04.2013 Компания (хранитель) обязалась принять у Общества (поклажедателя) транспортные средства и оборудование, а также их принадлежности, хранить за 100 руб. в сутки за каждое транспортное средство и впоследствии возвратить имущество поклажедателю в сохранности по первому его требованию. Вознаграждение за хранение подлежало ежемесячной выплате не позднее последнего числа расчетного месяца. Договор заключен на неопределенный срок.

Во исполнение условий договора по акту приема-передачи от 01.04.2013 Компании переданы на хранение 90 единиц транспортных средств.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 05.07.2014 по делу № А82-1719/2013 Общество признано банкротом и в отношении него открыто конкурсное производство.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 20.03.2015 (резолютивная часть оглашена 13.03.2015) по делу № А82-11696/2014 Компания признана банкротом, в отношении неё введено конкурсное производство.

Общество в письме от 07.10.2015 обратилось к Компании с просьбой предоставить информацию о месте нахождения имущества, находящегося на хранении на основании договора от 21.04.2013.

Конкурсный управляющий Компанией в письме от 20.10.2015 сообщил о том, что запрашиваемой информацией не располагает, бывший руководитель никакое имущество не передавал, о договоре хранения ему стало известно из письма от 07.10.2015.

Требование Общества от 22.09.2016 о возврате имущества Компания не исполнила, однако 07.02.2017 сама потребовала у Общества погасить задолженность по оплате услуг, оказанных по договору хранения с 01.04.2013 по 31.01.2017, в сумме 12 758 200 руб.

Неисполнение Обществом данной претензии послужило поводом для обращения Компании 12.04.2017 в арбитражный суд с иском о взыскании с общества указанной суммы.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 23.05.2018 по настоящему делу иск удовлетворен частично: с Общества в пользу Компании взыскано 4 768 400 руб. задолженности по хранению, в удовлетворении остальной части иска отказано.

Суд руководствовался статьями 196, 199, 200, 309, 310, 886, 896, 900 ГК РФ и исходил из доказанности факта хранения имущества и обязанности Общества по оплате данной услуги с 12.04.2014 по сентябрь 2015 года включительно. Суд отказал во взыскании задолженности за период с апреля 2013 года по 11.04.2014 в связи с пропуском компанией срока исковой давности для защиты своего права в этой части, а также счел неправомерными требования Компании за период с октября 2015 года по 31.01.2017, поскольку с октября 2015 года имущество поклажедателя было утрачено.

Постановлением арбитражного апелляционного суда от 19.10.2018, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа от 11.02.2019, решение суда первой инстанции отменено в части взыскания 1 719 900 руб., в удовлетворении иска в этой части отказано, в остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Суды апелляционной и кассационной инстанций дополнительно к решению суда первой инстанции исключили из расчета стоимости услуг хранения период с даты открытия конкурсного производства в отношении Компании по сентябрь 2015 года, поскольку факт хранения в это время не подтвержден документально. Взыскание за период с 12.04.2014 по 12.03.2015 в размере 3 048 500 руб. суды признали обоснованным, так как факт утраты компанией имущества Общества в более ранний период не доказан.

Таким образом, по существу суды удовлетворили требования об оплате услуг по хранению соразмерно доказанному сроку хранения имущества поклажедателя.

Между тем судами не учтено следующее.

Из пункта 1 статьи 886, статей 889, 891 ГК РФ следует, что по договору хранения, срок которого определен моментом востребования, хранитель обязуется хранить вещь, переданную ему поклажедателем, и по востребовании этой вещи поклажедателем возвратить ему эту вещь в сохранности. Хранитель во всяком случае должен принять для сохранения вещи меры, соответствующие обычаям делового оборота и существу обязательства, в том числе свойствам переданной на хранение вещи.

Одной из особенностей хранения, отличающей его от прочих видов услуг, является то, что, несмотря на потребление услуги по хранению в процессе ее оказания, это обязательство направлено на достижение конечного результата – выдачу имущества поклажедателю в надлежащем состоянии по окончании срока хранения. Именно в этом заключается интерес поклажедателя. Хранитель, не обеспечивший сохранности имущества, должен отвечать за это независимо от того, в течение какого срока он надлежаще исполнял свои обязанности и в какой момент их нарушил.

В связи с этим в соответствии с пунктами 3 и 5 статьи 896 ГК РФ по общему правилу при досрочном прекращении хранения право хранителя на вознаграждение зависит от обстоятельств прекращения хранения:

- если хранение прекращено по обстоятельствам, за которые отвечает хранитель, то он не вправе требовать вознаграждение за хранение, а полученные в счет этого вознаграждения суммы должен вернуть поклажедателю;

- если хранение прекращено по обстоятельствам, за которые хранитель не отвечает, то он имеет право на соразмерную часть вознаграждения;

- если прекращено хранение опасных вещей, о свойствах которых не был уведомлен хранитель (пункт 1 статьи 894 ГК РФ), то он имеет право на всю сумму вознаграждения.

Позиция высшей судебной инстанции о том, что вознаграждение за услуги по хранению вещи подлежит взысканию с поклажедателя при условии надлежащего исполнения хранителем принятых на себя обязательств ранее излагалась в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.08.2005 № 1928/05, а также в определении Судебной коллегии по экономиче-

ским спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2015 № 302-ЭС14-2592.

При рассмотрении данного дела судами установлено, что Компания не вернула Обществу его имущество без указания каких-либо мотивов.

Немотивированный отказ хранителя от возврата поклажедателю его вещи презюмирует ее утрату хранителем, что дает основание для вывода о досрочном прекращении хранения по обстоятельствам, за которые отвечает хранитель. В договоре хранения условие, отличное от правил, установленных пунктом 3 статьи 896 ГК РФ, не предусматривалось. В связи с изложенным Компания не имеет права на вознаграждение вне зависимости от того, в какой период хранения утрачена вещь.

При установленных судами обстоятельствах вывод о праве хранителя на соразмерное вознаграждение не соответствует пункту 3 статьи 896 ГК РФ.

В связи с существенным нарушением норм права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Общества при осуществлении экономической деятельности, обжалованные судебные акты подлежат отмене с принятием нового судебного акта об отказе в удовлетворении иска. (№ А82-5498/2017).

Отдел анализа, обобщения судебной практики
и обеспечения судопроизводства
Арбитражного суда Волго-Вятского округа